



18+

Мария Кущиди
Пленники хрустального
мира

Мария Кущиди

Пленники хрустального мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50822632

SelfPub; 2020

Аннотация

У каждого из нас есть кошмары из прошлого, в том числе и у тех, кто не имеет отношения к людям. Влача свое мрачное существование в одном из далёких от нас миров, существа, называющие себя людьми, пытаются забыть свое прошлое, но только не Энгис, желающий всеми силами узнать, кто же так настойчиво преследует его в темноте на протяжении многих лет забвения.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Свою первую книгу посвящаю родителям за бесценную поддержку во всех творческих начинаниях.

Глава 1

В холодных каплях промозглого дождя тает весь город, сонливо посматривая на каждого жителя, обреченного скитаться внутри тесного короба, сотканного из опасных шипов ядовитого одиночества, проедающего насквозь. Тусклый свет настенных ламп, выполненных в причудливой форме факела, едва касается сонных коридоров старинного здания, в котором могло бы ужиться не одно мифическое создание из самых разнообразных фантазий самого искушенного фантазера. Холодными руками он притрагивается к молчаливым стенам, крадется дальше по коридору, заглядывая в тихие комнаты учащихся, тайком проникая в их сновидения, нередко посылая ночные кошмары.

Резкий крик за одной из дверей, разнесшийся волной по ночной мгле, стал свидетелем еще одной несчастной жертвы, пострадавшей от хищных лап реальности укромного городка. Кошмары здесь стали неотъемлемой частью жизни каждого, сопровождая его с самого рождения, поэтому уже никто не обращает внимания на страшные крики, бродящие по темноте, как сорвавшиеся с цепи одичавшие псы.

Поднявшись с пола, легкая пыль кружится в холодном потоке воздуха, проделывая долгий путь по ночным коридорам, медленно растворяясь в нежном лунном свете. По старому керамическому полу разносится таинственный звук

шагов, неспешно приближающихся к одной из комнат.

Моя рука легко ложится на изящную дверную ручку, но в какой-то момент я останавливаюсь, оборачиваюсь назад. Что же привлекло мое внимание в этот поздний полночный час, когда сам город тихо посапывает, утопая в своих тайных сновидениях? Мое собственное отражение смотрит на меня по ту сторону зеркальной реальности, прожигая своим холодным взглядом, в котором никогда не было меня. Нахмурившись, я потер лоб рукой, тяжело вздохнул и легким движением отворил дверь своей комнаты, выбросив из головы все дурные мысли, которые давно преследовали меня по пятам.

Прохлада неприятно ударила по лицу, резко упав мне на плечи. Едва пожившись от неприятного ощущения, которое буквально застало меня врасплох, я бросил настороженный взгляд в сторону открытой двери в ванную комнату, из которой доносился странный шепот, взволнованный и, как мне показалось, невероятно напуганный чем-то.

Сделав пару легких шагов в сторону струящегося из комнаты света, я остановился на входе, нерешительно заглянув внутрь.

– Сэм, – окликнул я парня, стоящего у стены. Он был без рубашки, поэтому я мог увидеть его болезненные шрамы, расплзающиеся повсюду, подобно липкой паутине.

Шепот прекратился, и парень резко обернулся в мою сторону. В этот момент взгляд его был очень похож на взгляд

кошки, которую только что ошпарили кипятком.

Схватив с пола свою белую рубашку, он быстро надел ее, молниеносно застегнув. Пальцы его при этом дрожали, казалось, в каких-то болезненных конвульсиях.

– Что случилось? – Осмотрев его с ног до головы, я никак не мог выбросить из своих мыслей эти жуткие шрамы, рассыпавшиеся по его спине.

Он не ответил, пройдя мимо меня, точно тень, более не способная существовать в этом мире. Упав на свою кровать, он закрыл лицо руками.

Прохлада снова кольнула меня по лицу, забравшись мне под рубашку. Это неприятное ощущение возникло вовсе не из-за холода, а из-за жгучей атмосферы, царящей внутри комнаты.

Меня не было всего пару часов, но этого хватило Сэму, чтобы впасть в некую душевную пропасть, о существовании которой я и не догадывался.

Резким движением поднявшись со своей кровати, он подошел к окну, пристально уставившись в ночную мглу, окутанную холодным туманом и проблесками света едва горящих фонарей.

– Когда-то я думал, что все эти души вижу только я один. Поначалу я даже считал себя особенным, не таким, как все, – на мгновение он замолчал, не сводя глаз с пары неприкаянных душ, слонявшихся на территории академии. Каждую ночь, когда одна жизнь запирается в домах, скры-

ваясь от темноты Сан-Лореила, город наполняется иной, отчужденной жизнью, бок о бок существующей с дневным светом, – но я был слишком большого мнения о себе, пока они не захотели меня разорвать. И недавно мне приснился кошмар, в котором я сам рассыпаюсь на части, а все вокруг показывают пальцем и смеются... смеются.

Впервые на нем не было лица. Привычное беззаботное выражение сменилось неизгладимой горечью и глубокой печалью. Я не мог понять, как давно мой лучший друг, которого я знаю с самого детства, вот так легко изменился, став не тем, кого я привык видеть каждый день. Но самым страшным было вовсе не это. Осознание того, что я ничем не могу помочь ему, было намного сильнее.

– Прости, не знаю, что на меня вдруг нашло. – Обернувшись ко мне, он выдавил из себя глубоко уставшую улыбку. – Просто мне как-то не по себе.

– Кошмары – это нормально. Рано или поздно они приходят к каждому.

– Нет, – на выдохе сказал он, тяжело опустив голову, – все не нормально. Когда-то я тоже думал так же, как и ты, но что-то невероятно страшное есть в этих эпизодах... Я не могу забыть этот кошмар, не могу забыть ни одну его деталь, словно он уже ввелся мне в мозг, как какой-то вирус, пагубная зараза, проедающая весь здравый разум.

Я уловил его дрожащий тембр голоса, готовый вот-вот выдать его слезы, но Сэм был не таким, он никогда не показы-

вал свою слабость.

– Не думал, что когда-то ты будешь говорить об этом. – Я до сих пор не мог поверить в то, что передо мной был тот самый Сэм. В эту холодную дождливую ночь его словно подменила сама Луна, одурманив своим нежным светом.

– Как и я сам, – как-то безжизненно обронил он, вновь завалившись на свою кровать.

– Шрамы на твоей спине, – решился спросить его я об этих страшных отметинах, которые до сих пор мелькали у меня перед глазами, – откуда они у тебя?

Но Сэм не ответил, погрузившись в глубокий сон, как только прислонился к мягкой подушке.

С минуту не сводя глаз с его изнеможенного тела, которое, казалось, трещало по швам не то от смертельной усталости, не то от чего-то более страшного, я, плененный тоской и красотой лунного света, вновь покинул комнату, тенью проскользнув по широким коридорам академии.

Сан-Лореил не простой город, как может показаться с первого взгляда. Он такой один во всем белом свете, во всевозможных вселенных и жизненных воплощениях. Город из кошмарных снов, отчужденный самой реальностью, существующий вне каких-то границ, установленных рамок. Никто еще не понял его до конца, никто и не может понять. В нем странно абсолютно все, но самым странным является его характер. Ни один город на карте мира не имеет своей

натуры, роднящей его с живым существом, но Сан-Лореил имеет свою собственную душу, свое реальное воплощение, живущее рядом с нами, обычными, как может показаться, жителями. Здесь нет ничего обычного, ни единой крупички, рассыпавшейся по старинным мостовым дорожкам, по которым медленно ступает нога той или иной несчастной души, запертой, словно в незримой, но ощущаемой, клетке. Тусклый свет, горящий в искривленных от ночного холода и сырости окнах стареньких громоздких домов, не способен согреть лишь потому, что он этого не умеет. Кто-то даже поговаривает, что ночами можно услышать, как по мостовым дорожкам прогуливается сам бог городка, однажды пожалевший его и тех, кто обитал внутри него. Я же ни разу не слышал, чтобы Лореил вот так гулял по ночному городу, напевая себе под нос тихую колыбельную, от которой засыпает все вокруг. Но я не уверен, что эти разговоры можно назвать простыми байками, вымыслами жителей от нечего делать, ведь Лореил безжалостно избавляется от лгунов.

Кончиками пальцев я ощущал колющий холодок, пришедший после долгого ледяного дождя. Он слегка покалывал, поддергивал и слегка покусывал, отчего пальцы медленно начинали неметь, уже не чувствуя никакой боли, ровным счетом ничего. Холодный воздух, пропитанный влагой и запахом сырости, ударял по моему обонянию, запрещая даже думать о прежних запахах, которые мне и самому уже бы-

ли незачем. Темное небо, на котором огромным и прекрасным божеством уселась Луна, точно на величественном троне, казалось невероятным, великим и по-настоящему свободным. Освещая темные закоулочки и мостовые дорожки, сияющие от большого количества разлитых небесных слез, лунный свет целовал каждый камушек, десятками лет служивший дорогой для жителей Сан-Лореила.

Печальная красота таилась во всем, что попадалось мне на глаза, кричало от одиночества десятками разных, но до боли знакомых каждому, голосами тех, кто вынужден вечность скитаться по ночной мгле холодного города, завывая в темных закоулках давно уснувшего пространства. Холодные капельки дождя, застывшие на лепестках замерших парковых цветов: роз, тюльпанов, маков, нарциссов и лилий, утомительно сияли настоящими бриллиантами. Ледяной ветерок забирался мне под рубашку, разбрасывал по сторонам пряди моих едва волнистых волос, цвет которых легко можно сравнить с цветом самой ночи.

Блуждая один по ночному городу, по самым секретным и темным его закоулкам, я не испытывал ни капли страха, оставшись с ним наедине.

В полночный час никто не покидает своих домов, оставаясь верным свету, но я не могу сидеть в четырех стенах, когда весь мир лежит точно на ладонях, открывается с другой стороны, которая известна только ему одному. Ради этой свободы я готов пойти на все, что угодно, даже если на ко-

ну будет лежать моя собственная жизнь, никогда не знавшая ярких красок.

Вдалеке академия «Кёрс-Роуз» казалась настоящим великаном, смотрящим на весь город широко раскрытыми глазами, в которых буквально утонуло все. Это было самое старое и величественное здание во всем городке, скрывающее свою собственную темную историю, надежно хранящуюся под огромным замком. Я уверен, что ключ от этой тайны хранится ни у кого иного, как у директора Ва́льмонта, который уже на протяжении многих лет присматривает за порядком и гармонией жизни в стенах академии, бережно хранит наши жизни. Он является одним из тех людей, которые всегда готовы пожертвовать собой ради других, броситься под приближающийся поезд, чтобы спасти несчастную, уже умирающую душу. Каждый студент «Кёрс-Роуз» – несчастная душа, найденная им на обочине непростой жизни. Никто не знает, как он всегда так удачно появляется рядом с теми, кому нужна помощь, да и никто уже не задумывается над этим, получив бесплатный билет в новую жизнь.

Наслаждаясь прохладой ночного парка, окутанного легким туманом и душистым ароматом запорошенных инеем цветов, я размеренным шагом брел по тоненьким дорожкам, проходя меж играющих в прятки призрачных детей, совершенно не обращающих на меня никакого внимания. Их то-

ленькие, едва различимые голоса сливались с порывами легкого ночного ветра, вмиг исчезая в серебристом тумане, хватающем меня за руки. Я часто вижу их здесь, проходя мимо в одно и то же время каждую ночь, которая беспристрастно зовет меня прогуляться по своим просторам, сокрытым дневным светом, который показывает лишь то, что хочет он сам. Еще никто из них, из этих потерянных навеки душ, не обращал на меня внимания, живя своей привычной жизнью, из которой уже давно нет выхода. Мне жаль их, мне всегда было их безумно жаль. После смерти они не обрели желаемую свободу, а остались навеки прикованными ржавыми цепями к Сан-Лореилу.

В какой-то момент я остановился, замер на месте, услышав впереди чей-то тихий плач. Он был таким пронизывающим, что сердце мое впервые в жизни сжалось, замерев вместе со мной. Боясь сделать хоть одно резкое движение, я стоял на месте, чтобы не спугнуть таинственный звук. Почему-то мне показалось, что все вокруг приостановило свой ход: туман застыл на одном месте, ветер больше не касался моих ладоней, оставив в покое мои взлохмаченные волосы, да и ночные жители городка просто-напросто растворились, оставив ночную мглу в полном одиночестве. Я не мог понять, что вмиг изменило все пространство вокруг меня, заставив вот так легко остановиться на полпути. Тайна ли моей души или очередная причуда Лореила? Не знаю, что и думать, но я очень хочу узнать, кому принадлежит этот жалобный плач,

меняющий всю окружающую реальность вокруг меня.

Когда тело мое снова стало подвластно мне, я сделал пару осторожных шагов в сторону раскидистой старой ивы, со стороны которой разносилась скрытая мольба об утешении. Я не хотел напугать еще одну несчастную душу, загнанную в клетку собственного отчаяния, поэтому я тихо подкрался сзади, пробравшись сквозь тяжелые висячие ветви ивы.

Плач приближался ко мне все ближе и ближе, заставляя сердце мое биться в два раза быстрее. Какая-то неведомая сила овладела мной в эту минуту, ослепив не то божественным сиянием, не то дьявольским светом.

На изогнутой деревянной скамейке сидела девушка, тоскливо сокрыв свое лицо руками. Она тихо вздыхала, роня горячие слезы на холодную парковую дорожку, которая тут же спешила поглотить тепло прекрасной особы. Ее белоснежные короткие волосы, касающиеся хрупких плеч, переливались на лунном свете необычным голубоватым оттенком, придавая незнакомке особенно таинственный образ. Насквозь промокшее легкое лазурное платье, прилипшее к ее тонкому телу, нисколько не скрывало ледяную дрожь, подаренную холодным дождем. Мне не хотелось прерывать ее плач, ее вечную муку от несносного ночного холода Сан-Лореила, ломающего кости, но не потому, что я не хотел помочь ей, а лишь потому, что в эту минуту она была самым прекрасным существом, которое мне однажды удалось по-

встречать в стенах проклятого городка.

Ее тонкие плечи трепетали, как тонкие крылышки нежной бабочки, попавшей в паутину к кровожадному пауку. Весь ее образ, такой легкий и хрупкий, запал мне в душу, но мне до сих пор не верилось, что я вижу ее наяву.

Моя рука сама по себе потянулась к ее нежному плечу, бережно легла на него. Холод резко ударил по моей ладони, отчего все мое тело пронзило неприятное ощущение онемения. Вздвогнув от неожиданности, она рывком обернулась назад, посмотрев на меня глазами, полными печали и невыносимой тоски. В этот момент мне не хотелось даже двигаться. Ее необычайно прекрасные голубые глаза, в которых застыла вся чистота нашего порочного мира, насквозь прожигали мою душу, не оставив мне и шанса на чудотворное спасение.

– Кто ты? – смахивая с глаз крупинки бриллиантовых слез, она тихо, едва различимо, задала мне вопрос, на который я не сразу нашел, что следует ответить.

– Твой друг, – спустя томительную минутную паузу ответил я, не сводя с нее своих настойчивых глаз. Мне казалось, будто я смотрел на самое настоящее чудо, о котором по вечерам матери рассказывают своим чадам, собрав их у теплового камина.

Она хотела было улыбнуться, но что-то внутри нее, какое-то едкое чувство, не позволило ей это сделать, снова сокрыв хрупкую душу от меня.

Холодный поток встречного ветра накрыл ее с головой,

заставив все тело содрогнуться в неприятной конвульсии. Голубые глаза уже не смотрели на меня, опустившись вниз, став жестом какого-то глубокого разочарования. Не став медлить, я резким движением стянул с себя свой пиджак, бережно набросив его на ее тонкие плечи. Ее внезапно поднятые на меня глаза, полные непонимания и неожиданности, вновь застигли меня врасплох.

– Ты замерзнешь, – тихо обронила она, виновато потупив глаза.

– Я не боюсь холода. Никогда не боялся, – как-то сухо ответил я, зачем-то осмотрев ее с ног до головы. Она смущенно отвернулась от меня, укутавшись моим пиджаком, в котором она легко могла бы уместиться целиком.

– Спасибо, – на исходе сил ответила девушка, уткнувшись носом в мой пиджак. В этот момент она была донельзя похожа на беззащитного ребенка, которому была просто необходима защита. – Меня зовут Вейн. Странное имя, не так ли?

Я вовсе не ожидал, что она начнет подобный разговор, доверится мне, но, признаться, я был очень рад тому, что рядом со мной она чувствует себя в безопасности.

– Во все не странное. По-моему, оно очень красивое и точно создано только для тебя одной.

Она удивленно подняла на меня свои большие светлые глаза, которые буквально поедали меня без остатка.

– Почему только для меня одной? – Ее вопрос загнал меня в тупик. Она все больше и больше напоминала мне невинно-

го ребенка, нежели взрослую девушку.

Немного помедлив, я все же подобрал нужные слова:

– Потому что ты такая одна.

Она больше не сказала ни слова, опустив голову вниз.

О чем она думает в эту минуту, когда я смотрю на нее, не сводя своих глаз? Ей, вероятно, неловко, но я ничего не могу с собой сделать. Мне хочется прикоснуться к ней, нежно обнять, но я боюсь, что она вмиг исчезнет, подобно первому снегу.

Краем глаза я заметил, как девушка начинала засыпать, все глубже погружаясь в сон, прижимая к себе мой теплый пиджак. Аккуратно подхватив ее на руки, я лишь на мгновение посмотрел на ее спящее лицо, освещенное лунным светом и тусклым блеском уличных фонарей. Тогда я еще раз убедился в том, что она реальна.

Глава 2

Только директор Вальмонт мог помочь несчастной душе, найдя для нее место среди холодных, но безопасных стен академии. Принести ее ему было единственным разумным поступком, не способным навредить тонкой натуре девушки. Ей нужна защита. Без нее она легко может погибнуть в этом городе, полном темных углов, о которых она даже не может подозревать.

«Кёрс-Роуз» спала, не подозревая ни о чем, в том числе о моих постоянных прогулках по ночному городу. Вальмонт строго-настрого запрещает студентам покидать свои комнаты после полуночи, поясняя этот запрет своей озабоченностью за наши жизни. Учащиеся всегда следуют его указаниям, не переча и не спрашивая о причинах, по которым возникают новые законы и правила. Они уважают его интересы больше, чем свои собственные. Нельзя сказать о том, что я без уважения отношусь к Вальмонту, пренебрегая установленными им правилами без зазрения совести. Я, как и все студенты академии, почитаю его, но сидеть в четырех стенах и пропускать чудесные ночные часы, в которые открывается новая жизнь в Сан-Лореиле, я просто не могу. Сэм часто говорил мне, что когда-нибудь я все-таки попадусь, распрощаюсь со своей давней привычкой, ставшей частью ме-

ня. Как же забавно осознавать, что он был абсолютно прав. Но, признаться, я ни капли не жалею об этом, ведь в моих руках – жизнь, требующая от меня этой жертвы.

Остановившись у довольно тяжелых дверей кабинета директора, я на мгновение еще раз посмотрел на спящее лицо девушки, которое казалось мне еще более беззащитным, чем тогда, когда с ее глаз падал самый чистый хрусталь тоскливых слез. И почему я колеблюсь, не решаясь постучать в эти двери? Что останавливает меня в эту трудную минуту? Ей нужна помощь, а мне... отныне мне нужна она.

Я уверенно постучал в массивные двери и сразу же услышал приглашение директора войти внутрь. Распахнув перед собой двери, я сделал пару шагов в сторону рабочего стола, за которым сидела худощавая фигура, в раздумьях склонившаяся над разбитой статуэткой.

– Доброй ночи, Энгис, – сказал он, не отрываясь от своего дела. Голос его всегда звучал ровно, мягко и как-то немного задумчиво. Я с нетерпением ожидал, когда он набросится на меня с толщенным уставом правил «Кёрс-Роуз», но он был словно не в духе отчитывать меня за грубейшее нарушение самого важного правила жизни в академии. – Это была моя самая любимая статуэтка, – тяжело вздохнул он. – Но рано или поздно со всем приходится прощаться, даже с самым дорогим.

Вытащив из-под стола мусорную корзину, он легким дви-

жением руки смел со стола осколки и уже не различимую фигурку, с которой ему, видно, ему было непросто расстаться.

– Итак, – Вальмонт провел руками по своим светлым волосам, немного взлохматив их, а после, сложив перед собой руки, заключенные в замок, внимательно посмотрел на меня. – Хоть одна из твоих ночных прогулок принесла кому-то пользу.

Я в недоумении замер на месте. Он все-таки знал об этом, хоть я всячески старался быть незамеченным.

– Ее зовут Вейн. – Стараясь уйти от его насквозь пронизывающего взгляда, я сделал еще пару шагов в сторону его рабочего стола. – Я нашел ее в парке, на одной из скамеек. Она легко могла погибнуть от холода. В этом городе...

Я почему-то не мог больше сказать ни слова, застыв на одном месте, как каменное изваяние. Да и что я тогда хотел сказать ему? Об очередной опасности для каждого, обитающего в стенах Сан-Лореила? Ему и без того было об этом известно и, я уверен, гораздо больше, чем любому из нас.

– Клади ее на диван. Я сейчас принесу теплые одеяла. – Он поспешил отворить небольшую дверь, скрывающуюся за резной деревянной ширмой, и скоро появился с парой пуховых одеял.

Бережно положив девушку на черный кожаный диван, я отошел от нее на пару шагов назад, не в силах отвести свой взгляд, да и мне не хотелось уже этого делать.

– С ней все будет нормально. – Приложив свою горячую

руку к ее ледяному лбу, Вальмонт обернулся ко мне, улыбувшись не без доли какого-то подозрения. – Не переживай, Энгис, и ты, возможно, отогреешь ее сердце ото льда.

Не зная, как стоило реагировать на эти слова, я поспешил покинуть его кабинет.

Мысли мои были перепутаны, как клубок ниток, брошенных домашнему коту на потеху. Внутри меня что-то неистово горело, пылало и кипело, взбудоражив мою кровь, превратив ее в самый настоящий кипяток. Сомнений уже не оставалось, эта девушка стала важна для меня, как никто другой на всем белом свете. Но вот только как люди называют это чувство? Мне казалось, я знаю, но как же я ошибался, считая это простой привязанностью.

В глубоком сне я видел дом, огромное поместье среди зарослей темного, мрачного леса. Ранее я никогда не видел это место, но оно снилось мне, звало, точно прекрасно знало меня, понимало без слов. Эти огромные окна казались невесомыми, таинственными и до боли одинокими. Лунный свет, едва касающийся их, быстро исчезал, как какой-то секундный блик, случайно показавшийся из тьмы. Это место было ни на что не похоже. Оно казалось воплощением из чьей-то чужой жизни, в которой давно все опустело, вымерло, а остался только этот дом, застрявший невольно в застывшем времени. Его массивные двери так и просили распах-

нуть их, сделать меня шаг в неизвестное, познать все то, что они скрывают уже очень давно, никому не решившись довериться. Лишь легкая рука, коснувшаяся окна, из которого исходил молчаливый, холодный мрак, давала этому месту хоть какую-то незначительную частичку света, наполненную жизнью. Кто это был тогда? Я не понял, но жуткое одиночество, которое чувствовалось даже на расстоянии нескольких метров, било меня кулаком по сердцу.

Утреннее раннее солнце, еще не совсем окрепшее от нескольких дождливых суток, сонливо заглядывало в опустевшие коридоры академии, едва разгоняя холодную тьму из ее уголков. Завернув за угол длинного коридора, я на миг замер, не ожидая увидеть прямо сейчас самое хрупкое и нежное создание из всего существующего в мире. Оно отделяло этот мир, в котором все давно было продано за несчастные тридцать монет, от моей реальности, добавляя в холодные серые тона, не имеющие ни жизни, ни надежды, прекрасный небесный цвет нежности и гармонии, без которых нет жизни даже самому живому в наших сердцах.

– Эй, Гринвей, – раздался назойливый голос хилого парня в круглых очках, у которого было и без того неприятное имя – Кени Ликц; это был староста первого звена, – тебе следует поторопиться, иначе будешь все занятия стоять за дверью аудитории.

Его голос был настолько неприятным и неожиданным, что

она тут же подскочила с места, бросившись к своей группе, которая уже почти исчезла за поворотом. Я провожал ее взглядом, пытаясь принять ее новый образ, в котором была мягкая гордость и достойная капля умиротворенности. Волосы ее, похожие на только что выпавший, невинный снег, были аккуратно уложены. Прилежно выглаженная белая блузка, поверх которой была повязана атласная красная лента, придавала ей несколько кукольный вид, лишенный всякой силы. Темно-синяя юбка едва скрывала острые колени, цвет которых очень сильно напоминал холодный фарфор. Иными словами, она во всем была идеальна. Но почему-то я не выбрасывал из своей головы тот беспомощный образ насквозь промокшей девушки, медленно умирающей от ночного холода.

– Кто эта девушка? Впервые ее вижу в академии. Новенькая? – голос Сэма пробудил меня из вчерашних воспоминаний.

– Да, новенькая, – как-то безэмоционально ответил я, продолжив путь к двери нашей аудитории.

– Давно не видел новых лиц в этом городе. Что-то есть в ней... опасное.

Сэм шел следом за мной, не сказав больше ни слова, словно раздумывая о чем-то важном. Его слова почему-то запали мне в голову, прокручиваясь несколько раз.

Я помню тот вечер, когда он нашел меня. В тот день был

лютый мороз, снег без конца засыпал улицы Сан-Лореила, безжалостно бросая несчастного путника в свирепую, ледяную метель. Я точно не помню, как оказался у дороги, но отчетливо помню запах, неприятный запах, который мне сопутствовал. Странно, но я не помнил ничего, что могло связывать меня с жизнью. Только этот холод, снег и одиночество, у которого не нашлось для меня ответов. Директор Вальмонт явился в тот вечер, казалось, из пустоты, протянув мне свою теплую руку, отвергнуть которую уже я просто не смог.

Что-то таинственное и притягательное было в нем, что без конца манило меня, заставляло вслушиваться в каждое его слово, наблюдать за каждым его движением. Его ядовито-зеленые глаза без злобы и надменности смотрели на меня, как на кого-то очень родного, не выискивая ничего, что могло бы поведать ему мою забытую историю. Многие хотели бы знать, откуда я пришел и кто я, но он не спросил ничего из этого, просто дав мне знать, что ему можно искренне доверять.

– Пойдем со мной, – сказал он тогда тихим, невозмутимым голосом, накинув на мои детские плечи свой теплый плащ с удивительно мягким мехом. – Ночью лишь тени остаются на улице. А ты ведь живой?

В тот же день он не только дал мне возможность согреться, но и познакомил с одной несчастной душой, в глазах которой застыл невыносимый страх и лютое одиночество.

Рыжеволосый паренек сидел в самом углу комнаты, читая какую-то книгу в потертой черной обложке. Когда он отложил ее в сторону, я увидел на ней большой серебряный крест, тускло поблескивающий на искусственном свете лампы. Заметив нас, он поднял свои большие зеленые глаза, в которых буйствовала непонятная стихия чувств.

– Сэмми, теперь ты не будешь одинок. Не бойся, пожми его руку, и тогда ваша дружба станет нерушимой.

Поднявшись на ноги, он настороженно подошел ко мне, долго всматриваясь в мои потухшие от мрака и холода глаза, и лишь спустя минуту он широко улыбнулся, протянув мне свою теплую руку.

После занятий мы с Сэмом направились в библиотеку, чтобы отыскать парочку каких-нибудь пыльных, заваливавшихся на самых дальних полочках огромных дубовых стеллажей, томиков неизвестных записок, которые постоянно подальше убираются библиотекарем с глаз любопытных студентов.

«Кёрс-Роуз» – резиденция тайн, скрывающихся за каждым потаенным углом, в каждой трещинке на стене и неровностях на холодном керамическом полу. С самого детства мы с Сэмом искали различные подсказки к тем или иным тайнам, о которых многие даже и не догадывались.

Изучив все стеллажи, тесно заполненные книгами, мы с пустыми руками сели за красивый деревянный резной

стол, на котором стояла лампа и небольшая хрустальная ваза с алыми розами, безнадежно потеряв последнюю ниточку к новой возможной тайне академии.

– Не думал, что больше ничего не останется. – Лениво потянувшись, Сэм тяжело вздохнул. – Но я не думаю, что мы узнали все. Правда, все секреты, открытые нами в детстве, были слишком несерьезными.

– Но мы даже не видели их. Найдя что-либо стоящее, мы тут же теряли ключ к тайне. Это просто поразительно, когда из нашего тайника пропадали книги с секретами.

– Ну, не все так просто, как нам с тобой казалось. Если ключи пропадали, значит, так и должно было быть, наверное.

– И все же я не верю, что в этих книгах не было ничего стоящего. Вот только куда они пропадали, исчезая из нашего секретного места?

Я недоуменно подпер лицо руками, пустив глаза вниз, к старому керамическому полу.

– Да черт их знает, Энгис, – отмахнулся Сэм, поднявшись со стула в какой-то неосмысленной для меня спешке. – Пропали и пропали. Да и мы уже не в том возрасте, чтобы гоняться за неизвестно чем. – Я совершенно не ожидал услышать это от самого ярого зачинщика поисков секретов «Кёрс-Роуз». – Ты собираешься до вечера торчать в этой пыльной дыре?

Я ничего не стал отвечать ему, просто поднялся со своего места и направился вместе с ним к дверям, ведущим из прак-

тически пустой библиотеки.

В коридоре мы с Сэмом разошлись. Он отправился по своим неведомым делам в городе, а я просто бродил по медленно вымирающим коридорам академии, словно ища что-то в них родное. Все мысли, скопившиеся в течение дня, покинули меня раз и навсегда, когда на улице, у центрального фонтана, я заметил Вейн, вдумчиво склонившуюся над какой-то потрепанной книжкой. Заходящие лучи вечернего солнца трепетно притрагивались к ней, целовали ее тонкие плечи, нежно шептали ей что-то на ухо, едва слышно посмеиваясь над чем-то. Тогда-то я и возненавидел их, не в силах скрывать свою зависть.

В какой-то момент, насквозь прожигаемая моим настойчивым взглядом, Вейн обернулась в мою сторону, но увидела лишь пустоту, застывшую в огромном полуовальном окне многовекового здания.

Глава 3

Ночи в академии были невероятно холодными, пронизывающими насквозь, как ледяной ветер с колющим дождем. В такие ночи мы всегда были беззащитны, как дети, попавшие в снежную лавину. Сохранить тепло и здравый разум было крайне непросто, но я научился жить с этим, не ощущая ни холод, ни страх, сковавшие город прочной колючей проволокой.

Не обращая внимания на то, что тревожит всех вокруг, я с детства казался всем отчужденным и недостижимым. Но, несмотря на это, я был свободен от предрассудков окружающих, без которых они уже не могли существовать. Будучи наблюдательным, я научился ценить все то, что никогда никто бы не смог полюбить.

Направляясь по недавно уснувшему коридору в сторону потайного выхода из академии, я на миг остановился, услышав, как позади меня легко застучали каблучки чьих-то маленьких туфелек. Мне не хотелось прерывать причуды этого крайне любопытного существа, решив продолжить свой путь, не оборачиваясь назад до определенного момента, когда раскрытие моего преследователя будет мне на руку.

Покинув пределы «Кёрс-Роуз», я медленным шагом направился в сторону тихих, неприметных улочек, слившихся

ся в одну сложную систему запутанного лабиринта, который по ночам мог завести заплутавшего в абсолютно любой мир, дверь в который в этот послеполуночный час окажется открытой. Именно поэтому в течение года в городе пропадают души, уже не возвращаясь назад. Куда они попали, увязнув в паутине сложного ночного лабиринта Сан-Лореила? В еще более кошмарное место, ставшее, возможно, их вечной могилой.

Завернув за угол, едва освещенный бликом умирающего фонаря, я растворился в кромешной темноте переулка, ожидая, когда мой преследователь потеряет меня, пройдя дальше по мостовой дороге, устланной холодным лунным ковром.

– Какая хорошая лунная ночь, – внезапно раздался знакомый тихий голос, заставивший меня покинуть мглу холодного пространства. Под одним из фонарей, на небольшой резной скамейке, сидела Вейн, запрокинув лицо в черное небо, на котором безмолвно воцарилась божественная Луна. – Извини, что потревожила тебя, – ее чистейшие глаза, казалось, впитали в себя всю чистоту лунного света, став еще более таинственными и очаровательными, – но я хотела еще раз встретиться с тобой.

Я молча сел рядом с ней, не сводя глаз с красивого бархатного черного мотылька, бессмысленно обжигającego свои нежные крылья о горячее стекло фонаря.

– Ночью город не такой безопасный, как может показаться.

ся. В это время он легко может заживо проглотить любую душу, попавшуюся ему под руку.

– Я не боюсь, – легко ответила она, как ее тонкие губы едва содрогнулись в улыбке. – В темноте нет ничего страшного, даже в такой... живой.

– Откуда ты, Вейн? – Она абсолютно не была похожа на остальных жителей города, студентов академии, чем и особенно привлекла мое внимание. Такая чистая душа не могла быть частью реальности Сан-Лореила.

Она задумчиво посмотрела на меня, словно я не должен был задавать этот вопрос, внезапно задевший ее за живое. Я уже хотел было извиниться за заданный мною вопрос, как она нашла, что ответить, избавив себя от моего излишнего любопытства.

– Я родилась здесь, но душа моя где-то очень далеко отсюда. Не знаю, где бы она могла быть.

Безмолвное молчание накрыло нас обоих одной огромной волной, в которой мы могли бы запросто захлебнуться, если бы не нежный голос Вейн, развеявший смертельную пустоту между нами.

– А где же твоя душа? С тобой ли?

Со мной ли моя душа? Еще никто не задавал мне этот вопрос, не был так близок ко мне, как сейчас близка она, та, имя которой я готов произносить, точно молитву, посвященную неизвестному, но самому милосердному божеству во всевозможных существующих мирах.

– Со мной, ведь мне бывает больно от чужой печали, радостно от чужого счастья. Разве этого не достаточно в подтверждение? Я думаю, достаточно.

Вейн долго смотрела на меня, пытаясь понять, лгу я или нет, но ей понадобилось не так много времени, чтобы поверить в сказанные мною слова.

Где-то вдалеке раздавались призрачные голоса, мимолетно исчезая в потоке холодного ночного воздуха, утопая в пространстве темных улочек городка. Услышав их, Вейн схватила меня за руку, взглядываясь в непросветную тьму, в которой уже давно царила своя собственная, никем не приметная жизнь, полная противоречий.

– Никогда не привыкну к ним, – прошептала она таким тихим шепотом, что я едва услышал ее слова.

– Это самые беззащитные и хрупкие души, но мало кто может понять их тонкую натуру. Когда ты понимаешь их, они уже перестают пугать тебя, считая одним из своих.

Светящийся лунным светом яркий огонек засиял недалеко от нас, медленно проползая по тоненьким мостовым дорожкам, вырисовывая очертания кошки, приближающейся к нам. Ее почти прозрачный длинный пушистый хвост нес за собой крупицу ночного холодного света, освещающего все вокруг таинственным огоньком. Проходя мимо нас, она на миг остановилась, посмотрела на неожиданных ночных гостей, противоречащих правилам ночного времени, и снова продолжила свой путь, скоро растворившись в ледяной мгле

города.

Отпустив мою руку, Вейн замороженными глазами посмотрела на меня, ища в моих то же удивление.

– Еще никогда заблудшая душа не подходила ко мне так близко, – затаив дыхание, пролепетала она. – И все же, сегодня чудесная ночь!

Вейн молча смотрела на чистейшее ночное небо, огромной червоточиной распустившееся по всему горизонту. В этот момент она казалась такой невесомой, отчего ее тонкое тело могло бы легко раствориться в холодных лунных потоках самого нежного света. Она могла бы целую вечность любоваться неповторимой красотой Луны, если бы не усталость, свалившаяся тяжелым, неожиданным грузом на ее слабые плечи.

Засмотревшись на красоту ночного светила, я и не заметил, как девушка слегка склонила голову на мое плечо, поддавшись чарам неподвластного Морфея. Бережно подхватив ее на руки, я размеренно направился в сторону «Кёрс-Роуз», наслаждаясь прохладой сегодняшней ночи.

Под моей левой ногой внезапно что-то издало неприятный хруст, заставив меня остановиться. Это был красивый черный бархатный мотылек, крылья которого насквозь были прожжены горячими лучами искусственного света давно закоптившегося от старости уличного фонаря.

И все же эта ночь напоминает мне предыдущую, когда

в парке, после долгого ледяного дождя, я услышал тихий плач, разносящийся по всему ночному пространству Сан-Лореила. Тогда я нес ее на руках, укрывая хрупкое тело от холода, точно так же, как и сейчас.

Оставив Вейн в ее комнате, аккуратно укрыв ее одеялом, я не сдержался от легкого, ненавязчивого поцелуя в лоб, как часто прощаются на ночь дети, желая снова встретиться поутру. Но как же мне не хотелось покинуть ее, оставляя одну до самого утра. Я уже боялся оставить Вейн, опасаясь, что больше никогда не смогу увидеть этих прекрасных голубых глаз, от которых я незаметно для самого себя стал зависим.

Недолго просидев у ее кровати, я, поспешив в свою комнату, тенью проскользнул по темным коридорам академии, через пару минут остановившись у своей двери. Картина прошлой ночи не давала мне покоя. Жуткие шрамы на спине Сэма и эти странные слова, едва слышно произносимые им, до сих пор не выходили у меня из головы. Я мог бы не придавать этому большого значения, если бы не его странное поведение. Сэм уже не был тем, кого я всегда знал. Он никогда не был скрытным, скованным, всегда делился всевозможными секретами, о которых мало кто бы решился сказать. Но что так сильно повлияло на него, резко изменив? Боюсь, ответ на этот вопрос кроется лишь в его собственной голове.

К счастью, этой ночью Сэм как и прежде сидел на подокон-

нике огромного окна, занавешенного тяжелыми бардовыми шторами, не обращая никакого внимания на мое позднее возвращение. Все казалось донельзя обычным, привычным для нас обоих, но внезапно раздавшиеся слова Сэма, сказанные не без доли напряжения, нарушили привычную атмосферу гармонии.

– Кто эта девушка? – Он не сводил глаз с ночного вида, каждую ночь открывающегося из окна.

– Ее зовут Вейн, – легко ответил я, не понимая его крайнюю настороженность.

– Вейн, значит, – без какой-либо эмоции проговорил он, по-прежнему смотря из окна.

– Тебя что-то тревожит?

Он молча перевел на меня свои горящие на лунном свете синие глаза, в которых не было ни капли жизни.

– Я уже видел ее... в своем кошмаре. – Он томно склонил голову набок, болезненно опустив глаза. – Она смеялась надо мной, бросая в меня камни. – Он на секунду замолчал, словно собственно сказанные им слова принесли ему немало терзаний. – Только сейчас я понял, что это была она. Я уверен в том, что говорю. И веришь ты мне или нет, но в ту холодную ночь, повстречав ее на одной из скамеек города, я бы просто прошел мимо, оставив одну.

– Ты не понимаешь, что сейчас говоришь. – Мои ладони едва не сжались в кулаки, готовые вот-вот наброситься на него, но кем бы я был, если бы смог сделать такое? – Вы-

брось уже из головы все свои предрассудки и начни жить, а не казаться живым. Ты бы не сказал этого о ней, если был бы тем Сэмом, который мог видеть все так, как оно есть на самом деле.

По его спине пробежал холодный ветерок, всколыхнувший пряди его коротких рыжих волос, торчащих в разные стороны.

Поднявшись на ноги, он молча сунул свои холодные руки в глубокие карманы любимых темно-зеленых штанов, холодно посмотрев на меня.

– Все мы здесь то и дело, что кажемся живыми, – чуть ли не на ухо прошептал мне он. – Тебе никогда не стать настоящим, ведь ты – демон, если забыл.

Он молча вышел из комнаты, не обронив больше ни слова. Все то, что было им сказано, задело меня, хоть внешне я и не подавал на это ни малейшего вида. Он был так уверен, что сможет настроить меня против той, которая стала для меня превыше всего на всем этом проклятом свете, но как же он ошибся, упиваясь своей уверенностью.

Оставшись с собой один на один в этой темной, холодной комнате, я и не заметил, как злость охватила меня с головой, полностью подчинив себе. Еще никто не говорил, не напоминал мне о том, кем я являюсь вот так открыто, без каких-либо колебаний. Да, я не человек, как и все вокруг, как и он сам, но об этом уже давно никто не говорит, пытаюсь забыть, начать новую жизнь, чтобы хоть как-то стать по-на-

стоящему живым.

Холодный лунный отблеск касался моего спящего лица, навевая кошмар, в реальности которого я не смел сомневаться.

Блуждая меж одиноких, брошенных в ночи улочек, лишенных тепла и покоя, я следовал за каким-то таинственным детским голосом, уводящим меня все дальше и дальше вглубь потаенной части Сан-Лореила, который открывает свои двери лишь с наступлением ночи.

Черные стены домов с окрашенными в грязно-серые оттенки окнами, казалось, перешептывались между собой, временами загадочно посмеивались и внезапно разрывались от болезненного крика, вызванного каким-то лютым кошмаром. Ночное небо над их изогнутыми кровлями домов голодно смотрело на пустой мир созданий, выскивая новую жертву для своей безумной игры на выживание, в которой каждый обязательно должен был проиграть, бросившись в чернильный желудок крошечной тьмы.

Ступая по холодной дороге, усыпанной засохшими лепестками черных роз, я, затаив дыхание, завернул за угол, не двинувшись больше ни на шаг. Среди непроглядного мрака, овеянного ледяным холодом и таинственным перешептыванием каких-то скользких по кирпичным стенам отрешенных от всего мира домов, я увидел ребенка, стоя-

щего прямо передо мной. Его пустые серые глаза вопрошающе смотрели на меня, прожигая своим хладнокровием и какой-то скрытой насмешкой. Он долго смотрел на меня, не сводя своих холодных глаз, и лишь спустя пару минут он колко улыбнулся, оживленно всплеснув руками.

– Твое тело сгнило, – сказав это каким-то неестественным призрачным голосом, он растворился в крошечной темноте, представ передо мной в недвижной черной фигуре, окутанной лозами дикого терновника.

В глазах разом все помутнело и ничего, кроме резкой, разъедающей боли в груди, я не мог почувствовать.

Когда глаза мои распахнулись от яркого утреннего света, я механически поднялся с постели, почувствовав какой-то неприятный покалывающий холод в груди. Это чувство было настолько неприятно, что я едва мог собраться с мыслями, чтобы наконец-то вернуться к окружающей меня жизни, которая без конца требовала этого.

По привычке окинув темную комнату обыскивающим взглядом, я заметил на прикроватной тумбочке Сэма, которого не было в комнате, его книгу в потрепанной черной обложке, без которой он не мог провести ни один свой свободный вечер. Не знаю, что меня тогда заставило притронуться к ней, хотя, быть может, я просто был заинтригован привязанностью Сэма к ней.

Я непонимающе пробежал глазами по ее пустым страни-

цам, пытаюсь понять, что же не так с этой книгой. Внезапное чувство, вторгшееся незванным гостем в мое сердце, заставило его немного приостановиться. Дыхание мое замедлилось, слившись с окружающей немой тишиной. Что-то во мне резко изменилось, ворвалось с неизведанным прежде кошмаром. Не зная, как с этим бороться, я бросил книгу на пол, сам повалившись рядом с ней. Перед глазами медленно расплылась холодная тьма, окутав каждую клеточку моего сознания.

Я чувствовал, как чьи-то руки изнутри вырывали мою душу, заменяя ее на что-то очень холодное, безвольное и давно забытое мною. Я спал или все происходило на самом деле?.. Внутри была болезненная пустота, которая, уживаясь со мной, внезапно заменила все, что ранее было внутри меня.

– Энгис, – раздался ровный голос директора Вальмонта, который смог наконец-то разбудить меня, вернув к прежней жизни, – как ты себя чувствуешь? Неважно выглядишь.

Прислонив ладонь ко лбу, я присел на край кровати, пытаюсь разглядеть перед собой расплывчатую фигуру, ядовито-зеленые глаза которой, казалось, светились в этом легком тумане.

– Что со мной произошло? – Я практически не помнил того, что со мной случилось пару часов назад.

Расплывчатая фигура присела на деревянный стул, оби-

тый кожаным настиллом, и задумчиво прищурила глаза.

– Тебе приснился кошмар. Неужели не помнишь?

Голова неистово пульсировала, принимая всю окружающую меня реальность как за какой-то вымысел. Однако детали жуткого сна медленно вырисовывались в моей памяти.

– Да, помню, – пытаюсь сконцентрироваться на фигуре, ответил я, но она то и дело то расплывалась по комнате, точно ночной туман, то снова соединялась в одно целое, хоть и непонятное изображение. – В этом кошмаре я видел самого себя, но в образе ребенка. Вот только что-то чужое было в этих глазах. Что-то, чего никогда не было во мне.

Сидящая передо мной фигура пошатнулась, приблизившись ко мне. Ее ядовито-зеленые глаза казались одним общим пятном, существующим на фоне размытого, потерянного мною мира.

– Энгис, ты так же, как и остальные, веришь в то, что все кошмары посылает Лореил? – Этот вопрос был почему-то очень важен для него.

– А как иначе можно объяснить это безумие? Мы все зависим от Лореила, а он... Я не думаю, что это милостивый бог, которому можно доверять. Постоянные кошмары, ужасы на улицах города, страх, от которого застыло здесь даже время. Милостивый бог так не поступает.

Фигура с минуту сохранила томительное молчание и после нашла слова, которые я никак не ожидал услышать.

– Здесь нет прихоти Лореила, Энгис. Все кошмары, ужа-

сы и страх создаем мы сами внутри себя, заражая этим все вокруг. Безумие заразно, а иногда оно даже смертельно.

Я не мог сдвинуться с места, точно загипнотизированный каким-то очень сильным заклинанием, что внутри меня начало медленно разъедать сложившееся некогда мировоззрение. Директор Вальмонт никогда ранее не говорил об этом, не пытался дать новую истину, в которую очень сложно поверить, но я уже не знаю, чему здесь можно доверять, а чему нельзя. В чем-то он прав, но что-то все же не дает мне покоя, неприятным осадком давно осев на моей душе.

– Ты помнишь, как попал сюда? – Его глаза на миг потупились, отстранясь от меня.

– Это была холодная январская ночь, – тихо ответил я, не раздумывая.

Вальмонт качнул головой.

– А то, что предшествовало этой холодной январской ночи?

Я отвел взгляд в сторону, болезненно вздохнув.

Глаза директора еще никогда не были такими печальными, как в эту минуту.

– И прошлое к нам возвращается, Энгис. Нужно лишь быть терпеливыми и стойкими к его ударам. А они ведь часто бывают болезненными. – Поднявшись со стула, Вальмонт поспешил оставить меня одного, незаметно исчезнув за дверью.

Повалившись на кровать без капли каких-либо сил, я дол-

го думал над его словами и крайне странном визите, в котором было далеко не простое желание увидеть одного из сотни студентов. Но в чем же кроются его намерения? Вальмонт не так прост, как кажется. Он и сам представляет из себя тайну, сложную загадку, решить которую не дано никому.

Глава 4

Когда силы наконец-то вернулись ко мне, на часах было ровно три часа дня. Я проспал весь день, пропустив, возможно, одну из важных глав собственной жизни. И что только так легко смогло отключить меня от окружающей действительности? Усталость, нежданно свалившаяся на меня, как многотонный груз, в одно усилие переломивший мой позвоночник.

Подойдя к окну, я освободил его от тяжелых штор, от которых веяло прохладой. По ту сторону академии хмурилось и без того печальное небо, готовясь с минуты на минуту окропить бrenную землю своими холодными слезами. На узких улочках городка не было ни единой души и только изредка на горизонте появлялись студенты «Кёрс-Роуз», нарушая сложившуюся гармонию вокруг. Сегодняшний день не предвещает хорошей погоды, собственно, как и всегда.

Правая часть комнаты, принадлежавшая Сэму, пустовала, видимо, с самого его ухода. На душе у меня было беспокойно от вчерашних сказанных нами слов, но эти слова, обращенные в сторону Вейн, были для меня пределом. Я мог закрыть глаза на все, что угодно, но сердце мое прожигали горькая злость и досада, против которых я всегда был бессилен.

Бессмысленно блуждая по коридору, по которому без

конца сновали толпы студентов, я был предельно озабочен кошмаром, недавно вторгшимся в мою обыденную, ничем не притягательную жизнь. Мне казалось, что в воздухе витал тлетворный запах гнили, исходящий от разлагающегося тела, который без конца преследовал меня буквально на каждом шагу. Но откуда было взяться этому мерзкому запаху? Уверен, это все было в моей собственной голове. Разговоры студентов, раскатами грома набрасывающиеся на меня, сводили каждую клеточку мозга с ума, забирая у меня последние частички ориентации в пространстве.

Все вокруг меня начало медленно превращаться в страшную иллюзию жизни, в которой я утопал без единой капли веры.

Не в силах продолжать свой путь, я рывком остановился, закрыв глаза руками, которые без конца выедал жгучий свет, внезапно взявшийся из ниоткуда. В эту минуту мне казалось, будто моя душа вырывается из этого брэнного тела, не в силах больше держаться на тоненьких веревочках, что уже давно стерли в кровь ее запястья. Едкий шепот, разъедающий мое сознание, лишил меня последних жизненных сил, отделив от той реальности, в которой я находился долгие годы.

Едва колющий холодок скользящего тумана, цепляющего меня своими тоненькими ручками, молчаливо укутал собой весь призрачный лес, в который не проникал даже самый отчаянный солнечный луч. Сухая листва под моими нога-

ми, скрывающая вязкую глинистую почву, переговаривалась с гигантскими хвоями, далеко ушедшими своими мощными макушками в черное непроглядное небо. Этот тлетворный запах сырости и гнили, припорошенный ароматом терпкой хвойной коры, разбухшей от влаги и холода, был мне знаком, казалось, даже близок.

Вокруг меня не было ни души, и только каменная стена старинного дома, больше похожего на таинственный замок, приветливо смотрела на меня из пелены густого тумана, слившегося воедино с одичалой мглой, едко скрипящей острыми, точно бритвы, зубами. Пройдя через туман, я оказался перед огромным каменным зданием, обильно заросшим плющом и дикими черными розами, безжалостно вцепившимися в каждый камушек дома. Его тусклые окна смиренно и гордо смотрели на меня сверху вниз, как на неожиданно явившегося гостя. Когда рука моя притронулась к красивой изогнутой серебряной дверной ручке, позади меня раздался чей-то тихий, давно знакомый мне голос:

– Энгис?.. – удивленно прошелестел он. – Этот тоненький, чарующий голосок, медленно околдовывающий собой мой рассудок, принадлежал высокой девушке с прямыми длинными пепельными локонами и заботливыми темно-зелеными глазами, в которых полностью утопала моя неожиданно пришедшая фигура. – Не верю своим глазам, что это ты. Я очень долго ждала этого момента. Чарлз будет... приятно удивлен.

Смотря на нее, я никак не мог понять, кем же она является и откуда знает меня. Ее слова казались такими невесомыми, что я едва воспринимал все всерьез. Но эти глаза, эта теплая улыбка...

По вискам внезапно что-то резко ударило, проникнув, кажется, в самые потаенные уголки моего мозга.

– Рене, – вдруг вырвалось у меня. Зеленоглазая готова была провалиться на ровном месте, без памяти бросившись на меня с горячими объятиями, как она часто делала в далеком детстве.

Ее нежные руки обхватили мою тонкую шею, бережно прижав в себе. Мягкие длинные пальцы зарылись в мои густые волосы, и даже так я чувствовал неиссякаемое тепло, исходящее от них. Внезапно ее припухлые алые губы слишком близко приблизились к моим, предвещая горячий поцелуй.

Легким движением руки я отстранил ее от себя, недоуменно и немного раздраженно бросив на нее холодный взгляд. По ее бледным щекам пробежал багровый румянец, и Рене виновато опустила глаза, вмиг потерявшие некогда живой блеск.

– Прости меня, – дрожащим голосом сказала она, не поднимая на меня своих стыдливых глаз. – Я просто...

– Идем, Рене, – перебив ее, я бросил ей жест рукой, указывающий на огромные тяжелые двери, хранящие за собой давно потерянную, но не забытую мною жизнь.

Не сказав ни слова, она медленно поплелась за мной, оглушая окружающую гармонию небольшого мирка цоканьем высоких каблучков своих изящных лакированных красных туфель.

Богато убранные залы, выполненные в черных, синих и серебряных тонах, открывали новую галерею искусных красок, придающих здешней атмосфере ничем не передаваемую атмосферу отчужденности от всего окружающего.

Темно-синие стены, украшенные пыльными серебряными канделябрами с подтекающими восковыми каплями и старинными натюрмортами, казались отдельно существующим произведением искусства какого-то никому не известного художника, который просто не захотел открываться миру.

Черный каменный пол, веющий приятным холодком, едва освещался безжизненным светом настенных канделябров и огромной изящной хрустальной люстры, с которой свисали парочка белесых паутинок.

Горящий камин, расположившийся под огромной изящной лестницей, ведущей наверх, сонливо шипел, лениво разгрызая безвкусные деревяшки.

Большой черный диван с темно-синими бархатными подушками, рядом с которым была разбросана еще парочка небольших точно таких же кресел, занимал почетное место у теплого камина, мнимо наблюдая за застывшей жизнью внутри холодных каменных стен родового поместья Кёллер.

Изящные черные розы, стоящие на лакированном дере-

вянном кофейном столике, прекрасно дополняли окружающую атмосферу, делая ее еще более насыщенной.

За широкой спинкой дивана показалась чья-то взлохмаченная каштановая голова, хозяин которой только что пробудился от долгого, утомительного сна, о чем говорили его бессмысленные серо-голубые глаза. Я сразу узнал в этой сонной фигуре того непоседливого мальчишку, который всегда был богат на мелкие шалости.

– Глазам своим не верю. – Соскочив с дивана, он неуверенно сделал пару встречных шагов в мою сторону, а затем внезапно остановился, словно будучи не в силах сдвинуться с места. – Вот почему сегодня расцвели все розы. Поместье не потеряло с тобой связь спустя столько лет. Удивительно.

– Ничего удивительно в этом нет, Лео, – на лестнице раздался сильный голос Эндиа'на, моего самого преданного друга. Он медленно спускался по лестнице, сопровождая свою горячо обожаемую спутницу, с давнего времени ставшую его невестой, Джорджию. – Мы знали, что ты, Энгис, скоро вернешься к нам. Джорджия даже записывала количество дней, проведенных тобой вне дома. Не лет, а дней, вот, что действительно удивительно. – Он бросил укоряющий взгляд на Лео, которому было абсолютно все равно на его извечные колкие поддевки.

– Это уже не имеет значения. – Сорвавшись с места, Джорджия каким-то чудом выскользнула из рук своего спутника, обняв меня так, как всегда умела обнимать только она одна.

Ее искрящаяся светом лучезарная улыбка в очередной раз была неотразима. Эти светло-карие глаза, прекрасно гармонирующие с непослушными вьющимися прядями волос цвета спелой пшеницы, излучали столько света, сколько не могло бы вместить в себя ни одно утреннее небесное светило. – О, как Чарлз будет рад увидеть тебя. Все эти годы он провел в своем кабинете, изредка покидая его. Сердце твоего отца залито грустью с того самого времени. . . , – она на мгновение замолчала, больно закусив нижнюю губу; так Джорджия всегда делала, когда едва не выпаливала то, что говорить не следовало. – Он сейчас в кабинете. Ты должен подняться к нему сейчас.

Звук моих шагов робко разлетался по всему этажу, мучительно угасая в теплых лучах испокон веков горящих канделябров. Стук моего сердца не касался существующей жизни в этих молчаливых стенах, замолчав, вжавшись как можно сильнее в мои ребра, словно пытаясь себя зачем-то изрезать. Темные двери, спрятавшиеся в незаметных дверных траншеях, без конца перешептывались между собой, затаив дыхание. Поместье Кёллер всегда было таким, и я уже думал, что никогда не увижу его хмурое лицо.

Холодная январская ночь засела в глубинах моей памяти, никак не покидая мой рассудок. Все то, что было до нее, стало для меня странным сном, большую часть которого я пропустил, сам не зная, как именно.

То тяжелое чувство, которое черной тучей нависло надо мной, называло себя страхом. Прежде я никогда не испытывал его, даже не задумывался о его существовании бок о бок с собой, но сейчас я ощущаю его холодное, прогнившее дыхание, от которого по спине невольно пробегают леденящие мурашки, больно царапая каждую клеточку моей кожи. Страх никогда не был мне врагом, мы даже не были знакомы, а сейчас, когда глаза наши встретись, мы сразу же возненавидели друг друга.

Мой отец всегда был строгих правил, имел свои собственные ценности и крайне радикальные пути достижения желаемых результатов, которые никто бы никогда не смог понять. Холодный взгляд постоянно о чем-то думающих глаз, непоколебимая серьезность, застывшая на тонком лице с безобразно правильными чертами, молчаливость, от которой становилось не по себе, длинные тонкие пальцы, на которых красиво сидел серебряный перстень с изящным черным камнем, внутри которого, кажется, застыла багровая капелька чьей-то невинной крови... Я запомнил его таким, но это вовсе не значит, что всю свою жизнь его тонкие губы ни разу не содрогались в улыбке.

Не знаю, как я так легко отворил дверь в его кабинет. Я думал, что никогда уже не смогу этого сделать вот так запросто, как было когда-то очень давно, когда, прибегая к нему,

я просил у него какую-нибудь книжку, с которой было бы приятно провести холодный вечер у теплого камина. Каким он стал сейчас, когда миновало, кажется, целое столетие, исчезнув за нашими спинами? Кроме этого я уже не мог думать ни о чем другом.

Притаившийся за книжными стеллажами свет приятно кольнул мои застывшие от давнего внутреннего холода бледные щеки, заставив кровь внутри них заново заиграть новыми красками жизни. Тяжелая атмосфера, зарывшаяся в самую глубину души отцовского кабинета, тягостно и несколько тревожно обняла меня за плечи, больно впившись своими острыми когтями. Лишь тишина и кладбищенская гармония предстали передо мной, вопрошающе уставившись на меня, как на нежданного гостя.

Пустой пыльный стол, стоявший вполоборота у занавешенного старыми темно-синими шторами окна, одиноко поглядывал на меня, точно старый знакомый. Подойдя к нему, я невольно опустил глаза на давно запылившиеся книги, которыми он был беспросветно завален. Слой пыли был такой толстый, что я даже не смог разглядеть ни названия, ни автора одной из любимых отцовских историй, которые он всегда раньше бережно хранил на одном из книжных стеллажей. И только старая фотография, давно покрывшаяся метками старости, прилежно красовалась на лучах искусственного света настенных канделябров, лишенная малейшей пы-

линки, которая могла бы невзначай осесть на тоненькую серебряную рамку. Бережно взяв ее в руки, я невольно осознал невыносимую прежде тоску, медленно выедающую дыру в моей холодной груди. Красивая женщина в роскошном дорогом платье, держа в руках миловидный зонтик с нежными рюшками, улыбалась мне по ту сторону фотографии, позируя на фоне поместья Кёллер.

– Никто не умел улыбаться так, как умела она, – где-то недалеко от меня раздался легкий, непоколебимый голос, навевающий приятные воспоминания. – Тереза всегда отдавала все, что у нее было, своей семье. Жаль, что ей уже ничего нельзя дать взамен.

Поставив на место священную для этого помещения фотографию, я прошел к книжным стеллажам, заглянув в их тоненькие, непролазные коридорчики, полностью устланные пылью и белоликими липкими паутинами.

Некоторое время я бродил меж этого затемненного пространства, пока высокая фигура отца не блеснула в колющей глаза темноте. Его тонкие пальцы держали покрытую пылью книгу, ожидая, когда же глаза терпеливо дойдут до последней строчки. Я ожидал всего, что угодно, но того, что за долгие годы он останется таким же, как и раньше, было для меня совершенно неожиданно. Мне казалось, эти едва выющиеся черные пряди волос окропятся легким серебром почетной седины, но как же я ошибался, думая, что возраст возьмет его тело в прочные тиски.

– Ты похож на нее, Энгис, своей душой, хоть внешне ты – моя копия. – Взгляд его ледяных серых глаз как-то неожиданно перешел с книги на меня, уже не в силах оторваться от моих. Только его пустые, давно потерявшие всякий смысл, глаза могли поведать мне о его неизлечимой печали, от которой он уже давно не может излечиться. Одиночество поедало его без остатка, сделав мир вокруг серым, тоскливым и безысходным.

– Что с ней случилось? И как давно?

Поставив книгу обратно на полку, отец как-то безразлично окинул меня прожигающим насквозь взглядом.

– Она умерла в ту холодную январскую ночь, которая не дает тебе покоя и по сей день, – от сказанных им слов по моему телу машинально пробежал холодок, который я испытал лишь раз за всю свою жизнь, – как и мне самому. Во всем, что тогда произошло, был виновен я – прости меня, Энгис, за мою слабость.

Из всего того, о чем он пытался мне сказать, я ровным счетом не понимал ничего. Все события, на которых зациклился мой мозг, начинались днями, проведенными в кругу родных мне душ, и заканчивались той беспмятной морозной ночью. Но что было до нее, до этой пустоты в моей душе? Чарлз был не намерен говорить об этом.

Пройдя к своему столу, на котором не было ни единого пустого места, он, водя пальцем по пыльной книге, задал неожиданный вопрос:

– Энгис, тот, кто присматривал за тобой все эти годы, – голос его звучал тяжело. Чарлз словно был обязан спросить меня об этом. – Его можно назвать... достойным?

Его серые глаза тоскливо упали на пыльный пол, точно стораая от какого-то неведомого мне стыда.

– Директор Вальмонт всегда посвящал себя другим, не жалея ни сил, ни времени. Я никогда не сомневался в нем, ровно столько же, как и в тебе, отец.

Его длинные ресницы как-то нервно качнулись, и, слегка нахмурившись, Чарлз сделал донельзя серьезный вид, застыв на месте, как изваяние.

– Не стану навязывать тебе свои идеи, – внезапно легко отозвался он, по-прежнему с твердостью и даже некоторой суровостью посмотрев на меня, нисколько не изменившись в лице. – Достаточно и того, что ты хорошего мнения о нем. И если уж ты доверяешь ему, то и я последую твоему примеру.

Меня озадачили его слова, в которых я не видел ни смысла, ни какой-либо ниточки, ведущей к его душе, внезапно закрывшейся ото всех.

Есть в нем что-то не из этого мира, давно потерянное и чуждое каждому, но близкое мне в потаенных уголках моей темной души.

– Энгис, – его голос раздался тогда, когда я уже покинул его кабинет, но он словно не замечал этого, – прости, что не смог уберечь. Ты не должен был... вернуться снова.

Глава 5

Розы, прекрасные черные розы с изящной бархатной каемкой, красовались в никогда не пустующем саду у поместья. Их тонкие стебельки, по которым рассыпалась целая плеяда смертельных шипов, едва были прикрыты редкими листьями.

Шагая по шикарному черному ковру из этих проклятых цветов, дышащих любовью, я ненароком вспоминал, как нежные руки Терезы ухаживали за каждым цветком, боясь, что он однажды завянет. Душистый земляной пряный аромат доносился с их стороны, качаясь в низком сером небе.

– Госпожа Тереза никогда не любила черный цвет, но после твоего рождения он стал ее самым любимым. – Склонившись над одним из цветков, Рене вдохнула таинственный запах розы, обхватив его бутон длинными пальцами. Пара шипов, спрятавшихся за мягкими черными лепестками, больно уколола ее тонкую кожу, впитав крупинки ее алой крови. – Всегда так больно, – прошептала она, прислонив пульсирующие от боли пальцы к своим пухлым губам, ставшим от крови еще более алыми.

– Тебе не впервой?.. Конечно, тебе нравится боль, всегда нравилась, и я никогда не понимал тебя из-за этого.

Обернувшись ко мне, она грустно улыбнулась.

– Да, но самую страшную боль я не могу усмирить. – Ее

темно-зеленые глаза потускнели от какого-то таинственного чувства, которое было известно лишь ей одной. – Почему, Энгис, ты никогда не любил меня? А сейчас, чего тебе не хватает сейчас?

Ее тонкие руки коснулись моей твердой груди, но, почувствовав холод, Рене тут же отстранилась от меня, безутешно мне улыбнувшись.

Ничего не ответив ей (не потому, что не хотел, а лишь потому, что мои слова здесь были уже не нужны), я неспешным шагом прошел мимо нее, не обронив ни единого взгляда в ее сторону.

Когда Рене осталась одна, она долго плакала, не скрывая от окружающего мира свои горькие слезы.

Оставшись наедине с собой в своей уютной темной комнате, я переставлял хрустальные шахматные фигурки из стороны в сторону, не находя себе места от горестной тоски. Я думал, что в этом мире смогу обрести свободу, вернувшись спустя многие годы, но ощущение замкнутости буквально связывало мне руки, тесно сдавливало грудь, в которой продолжала пульсировать самая настоящая жизнь.

Когда я смог вернуться обратно, смог вспомнить тех, кто всегда был рядом со мной, я еще сильнее стал несчастен. В груди больно жжет огонек, полыхая внутри моего холодного сердца. Это явный вестник моей скорой гибели от рук собственного одиночества. Увязнув вот так легко в трясине

этого чувства, мы, отличающиеся от людей, быстро погибает, не в силах справиться с самым сильным его проявлением.

Мысли путаются в голове, перемешиваясь в одну необъятную субстанцию из потерянных воспоминаний. То, что было перед событиями той холодной январской ночи, давно умерло внутри меня, заговорив по-новому. Я бы хотел узнать, прочувствовать это смертельное чувство потери, которое вынужден был испытать Чарлз, но кто-то внутри меня настойчиво убеждает меня не делать этого и даже не думать на эту тему. Какова причина? Возможно, я могу погибнуть от этих воспоминаний.

Все мне здесь казалось неживым, таким притворным, что сердце не может дышать этим отравленным ложью воздухом. Я задыхаюсь, я медленно начинаю растворяться в этой опечаленной темноте, которая пытается меня утешить. Поместье Кёллер дало мне жизнь, научило преданности и заботе, но мне мало того, что оно мне может предложить сейчас. Ярая тоска окутывает мою душу беспросветной вуалью, и я уже перестаю различать окружающие меня цвета. Серый, черный и снова серый, этот ненавистный мною цвет одиночества. В настенном зеркале я вижу свое печальное отражение, которое, кажется, застыло в каком-то непросветном, несуществующем пространстве. Глаза цвета пустоты смотрят на меня, не говоря ни о чем. И это моя жизнь, ради которой некогда было отдано так много жертв? Холодно и пу-

сто... Пусто и одиноко... В этом маленьком мире никто никогда не был счастлив. Но я бы мог попробовать это чувство на вкус. Я бы мог первым из всех нас дотронуться до него, чтобы понять, стоит оно того или нет.

Комнату оглушило неприятное постукивание, раздавшееся по ту сторону двери. Некто тихо постучал по ней костяшками пальцев, а затем медленно отворил. Призрачным светом настенных канделябров была освещена фигура Эндиана. Его блестящие в сумраке моей комнаты глаза сверкали, казалось, пылали всевозможными языками горячего пламени.

– В шахматы удобнее играть двоим, нежели одному. – Прикрыв за собой дверь, он размеренным шагом приблизился ко мне. – И лучше со светом, чем в крошечной темноте. – Легким движением руки он зажег давно уснувшие свечи в настенных канделябрах, свет от которых больно ударил по моим глазам. – Я каждый день смахивал пыль с каждой из этих фигурок, ожидая того дня, когда мы с тобой снова сможем сыграть, составив друг другу достойную компанию.

Расставляя фигурки на их законных местах, я плавным жестом руки пригласил его сесть.

– Не хватает одной фигурки, – заметил я, бросив настораживающий взгляд на хрустальное черно-белое поле, готовое к новому сражению.

– Фигурка черного короля пропала очень давно. Я уже и не припомню, как давно это было. – Эндиан лишь пожал плечами, отведя глаза в сторону, чтобы я не видел его болез-

ненного сожаления. Шахматы всегда много для него значили.

– Я разговаривал с отцом, – вырвалось у меня, не в силах больше сдерживаться внутри моего и без того увядшего рассудка. – И мне показалось, будто он давно уже мертв.

Подняв в воздух легкую фигурку белой пешки, Эндиан выставил ее вперед, подняв на меня свои огненные глаза, полные самых искренних чувств. Он точно прекрасно понимал сказанные мною слова.

– Госпожа Тереза очень многое значила для него. Добрая, заботливая, всегда готовая прийти на помощь или дать дельный совет. С того далекого времени, как она приняла нас, каждый считал ее своей матерью, уважал как никого иного. Потерять такую женщину и остаться при своей жизни может лишь бездушное животное. Чарлз, думаю, холодно тебя встретил?

Подняв в воздух черного коня, я тут же поставил его на поле, предложив следующий ход Эндиану.

– Это нормально, – отмахнулся он, убеждая меня, что подобная холодность с недалеких времен всегда была свойственна моему отцу, о чем я и без того знал сам. – Если бы я потерял Джорджию, то... – Его всего вмиг передернуло, как от мощного заряда электрического стула. – Энгис, ты не рад вернуться?

Молчание нависло над нами, пробежав по комнате холодной волной, качнув ровное пламя свечей, одетых в серебря-

ные дорогие канделябры.

Закрыв глаза, я устало припал к бархатной спинке стула, не зная, что и ответить.

Рад ли я вернуться туда, где я давно перестал быть счастливым? Рад ли я тому, что некогда огромный для меня мир внезапно стал так мал, что я едва могу дышать его тесным воздухом? Рад ли я тому, что дорогая для меня душа сейчас слишком далеко от меня?..

– Я запутался и уже не могу понять, чему я сожалею, а чему нет.

Подхватив одну из фигурок, Эндиан начал медленно крутить ее в своих руках, едва прищурив свои хитроумные глаза.

– Вижу по тебе, что ты болен кем-то, смертельно болен, – сказал он, покачивая головой в знак собственной правоты. Как же он чертовски был сейчас прав. – И единственным лекарством, которое может тебя спасти, является как раз лишь та, которую ты любишь. Ты говорил ей об этом?

– Нет, – опустошенно ответил я, понимая цену несказанных ранее мною слов.

Эндиан неодобрительно посмотрел на меня, поставив фигурку на середину хрустального поля битвы.

– Иной раз уже будет поздно говорить об этом. Ее душа может быть поймана совсем в чужие сети.

Когда тусклое, темное солнце маленького мира исчезло

за черными облаками холодного вечера, поместье Кёллер наполнилось прекрасными, чарующими звуками, виртуозно рождающимися под тонкими музыкальными пальцами Лео, что едва дотрагивались черно-белых клавиш темно-синего лакированного пианино.

Его музыка – это не что иное, как крик его собственной души, которая продолжает рыдать на протяжении долгих лет. Никто не знает, какое его чувство рождает такие композиции, да и никто не думает об этом, просто наслаждаясь его удивительными музыкальными тональностями, в которых медленно утопает все вокруг. Но как же много ему пришлось однажды заплатить за эту любовь к музыке, за эти уникальные способности, которыми обладает лишь он один... Только жгучий глубокий шрам на его шее, сползающий с щеки и уходящий на грудь, напоминает о его болезненной плате за истинный талант.

Когда последняя нота томительно опустилась на окружающий мир поместья, все вокруг замерло, кажется, даже перестав дышать. В груди моей все резко сжалось, словно в кованых тисках, болезненно изнывая от тягостной тесноты.

В эту минуту, когда Лео завершил свое очередное признание в любви кому-то неведомому, мне стало еще более тоскливо, невыносимо больно.

Краски вокруг меня стали еще более серыми, безжизненными и пустыми, потеряв всякую долю прежней истины. Это был не тот мир, который я помню. Душа, запертая внутри

меня, яростно кричит, настойчиво говоря об этом. И я бы вечно испытывал эту серость, был бы ее верным слугой, если бы не одно чувство, пообещавшее мне безграничную свободу.

Оно пришло ко мне в тот момент, когда я был полностью поработан одиночеством. С этого самого момента мне везде чудились эти прекрасные голубые глаза, наполненные всевозможными красками жизни. Именно тогда, когда они были так далеко от меня, я понял, что уже не смогу прожить без них ни единого дня.

Возможно, мы всегда были не правы, думая, что такие, как мы, значительно отличающиеся от людей, никогда не познаем великое светлое чувство, подвластное лишь им одним, но это чувство уже давно живет внутри меня самым нежным проявлением зависимости.

Глава 6

Академия была пуста, и что-то взволнованное чувствовалось в каждом ее затемненном уголке. Еще никогда в этих стенах не было такой тишины, выедающей в душе неизгладимую тревогу. Ни единого лучика света, застывшего в едва потрескавшихся окнах, ни единого звука, притаившегося за дверью... Ничего, что могло бы говорить о жизни, к которой я уже очень давно привык.

Изучая одинокие коридоры, безмолвно застывшие в тишине, я перебирал в голове всевозможные варианты внезапного исчезновения жизни из этих готических холодных стен. Но ни одно предположение не могло удовлетворить мой жгучий интерес.

Звук моих шагов, рассыпающихся по всему пространству «Кёрс-Роуз», был единственным признаком жизни, едва в силах вернуть академии прежние силы, чтобы существовать.

По моей спине пробежал целый легион ледяных мурашек, колющих меня своими заостренными проворными лапками. Академия не могла опустеть, она не могла вот так умереть, если только это не очередная забава Лореила.

– Энгис. – Нежная рука коснулась моей ладони, заставив сердце внутри меня бешено всколыхнуться.

Увидев безгрешно струящийся свет ясных голубых глаз, что без памяти смотрели на меня, я затаил дыхание, впервые решившись позволить себе крепко обнять это хрупкое тело, уже не боясь за его сохранность.

– Я боялся, что уже не смогу увидеть тебя, – едва слышно обронил я, не выпуская ее из своих горячих объятий, в которых она казалась такой невесомой, легкой парящей снежинкой над грешным покровом брэнного городка.

– Боялся? За меня? – голос ее почему-то дрожал. – Но, Энгис, почему?

Я безустанно готов был придумывать самые разнообразные ответы на этот настойчивый вопрос, никак не решаясь сказать о том, что я чувствовал по отношению к ней. Не знаю, что внутри меня противится этим простым словам, о которых мне рассказывал недавно Эндиан. Они точно вылетели из моей головы, улетев вместе с холодным потоком встречного ветра, поднявшись высоко к темным низким небесам.

– Потому что я не хочу, чтобы твой цвет глаз принадлежал кому-то еще.

Взяв мое лицо в свои ладони, она непринужденно улыбнулась, подарив мне нежный, но несколько отстраненный поцелуй. Ощущая нежность ее тонких губ, я лишь сейчас понял, что мои сети были пусты, однако в ее без единого шанса на свободу лежала моя душа, запутавшаяся в прочных веревках вечности.

Я не хотел возвращаться в поместье Кёллер, вспоминая неприятную удушливую атмосферу одиночества и тоски, в которой я оказался бессильным.

Моим верным спасением от неминуемой гибели стала Вейн, единственная в силах развеять все ненастья, черными тучами скопившиеся над моей головой.

Не сводя с нее своих глаз даже тогда, когда она, желая уединиться с хорошим томиком фантастической истории, одна была в едва освещенной библиотеке, я тайно любовался ею, оберегая, как один из редчайших драгоценных камней.

– Почему ты смотришь? Мне неловко от твоего взгляда, – однажды спросила она, заметив меня за темными книжными стеллажами.

– Я боюсь, что ты вдруг исчезнешь, – ответил я, более не найдя подходящих слов.

Да, когда она оставалась одна, я боялся за нее больше, чем за самого себя. Я не мог и вообразить то мгновение, когда ее легкое тело, подхваченное воздухом, начнет рассыпаться на частички, медленно превращая ее в пыль. Кто-то бы сказал мне, что это слишком, но я никак не могу выбросить из своей головы этот образ, исчезающий в темноте. Но самым страшным для меня было то, что я уже не смогу к ней прикоснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.